

Марго Метроленд

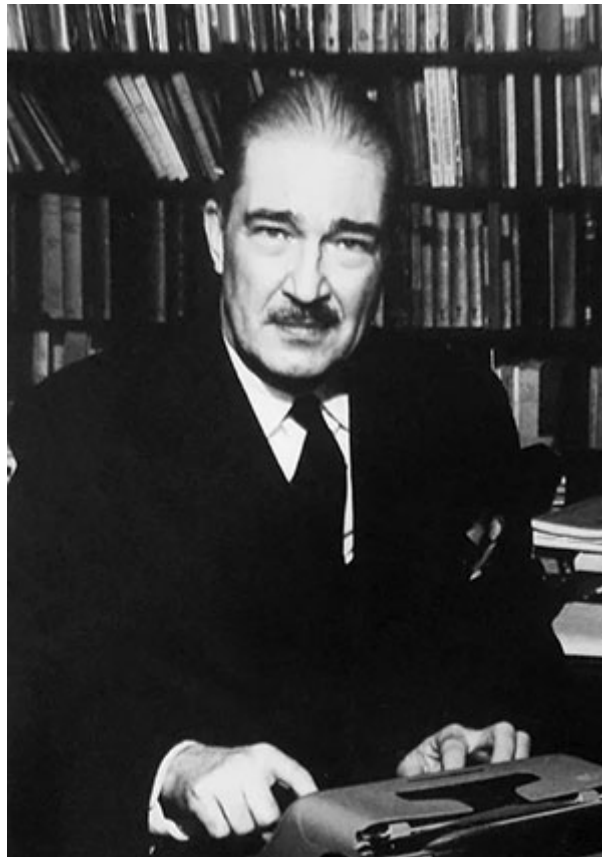
Профессор и ярмарочный зазывала

Вспоминая Ревило Оливера (7 июля 1908 – 20 августа 1994)

Оригинал: Margot Metroland. Remembering Revilo Oliver (July 7, 1908–August 20, 1994). The Professor & the Carnival Barker

Источник: <https://counter-currents.com/2019/07/the-professor-the-carnival-barker/>

Перевод с английского, 2022 г. На русском языке публикуется впервые!

Профессор Ревило Пендлтон Оливер скончался в 1994 году, как говорится, в почтенном возрасте и в почестях; а еще в печальной известности. Долгое время он был профессором классической филологии в Иллинойском университете в Урбане, а в 1938 году получил докторскую степень за перевод и комментарии к драме на санскрите, которой 1500 лет. В возрасте 80 лет он еще мог вести длительные телефонные беседы с молодым коллегой-лингвистом, в ходе которых (просто для хвастовства) они переходили с немецкого языка на аттический диалект древнегреческого языка и обратно.

Что сделало Оливера уникальным – и печально известным – так это его карьера культурного критика и политического выразителя взглядов американских правых, карьера, которую он поддерживал на протяжении десятилетий, продолжая при этом выполнять все академические обязанности в университете. В 1950-х годах он присутствовал при создании журнала *National Review*, а затем при основании Общества Джона Бёрча. В конце концов он поссорился с основателями обеих организаций, отчасти потому, что разочаровался в их увертках и двуличии, а отчасти потому, что настаивал на более откровенном и прямолинейном подходе к таким неприкосновенным вопросам, как раса и еврейский вопрос. Он продолжал поддерживать теплые, хотя и сдержанные отношения с Уильямом Бакли и с тем или иным бёрчистом. Но не так обстояло дело с самим Робертом Уэлчем, кондитерским магнатом, основавшим Общество Джона Бёрча. За семь лет сотрудничества с Уэлчем – выступлений с речами для его Общества, редактирования и написания статей для его журнала и вообще работы в качестве интеллектуального «человека-вывески» Уэлча – Оливер стал считать его не более чем шарлатаном, мошенником, лжецом и обманщиком.

Профессор Оливер держал руку на пульсе политических вопросов, сдвигаясь все дальше вправо, предоставляя свое имя и ораторскую убедительность Национальному молодежному союзу Лу Байерса, а затем его преемнику, Национальному союзу (Национальному альянсу) доктора Уильяма Пирса. Но он так и не смог забыть Роберта Уэлча, «специалиста по продажам», который заманил Оливера в то, что выглядело как выдающаяся патриотическая организация, а затем почти сразу же предал его и само Общество Джона Бёрча.

Как уже отмечалось, профессор Оливер был учредителем «Бёрч-бизнеса», одним из одиннадцати человек, приглашенных Уэлчем в конце 1958 года в дом одной богатой гостеприимной дамы в Индианаполисе на двухдневную конференцию по обсуждению формирования нового политического движения. Другим из одиннадцати был основатель *Koch Industries* Фред Кох-старший (приятно было бы представить, что остальные девять были столь же влиятельными и печально известными, но, увы, это был не тот случай; их имена теперь давно преданы ротарианскому забвению [1]). Позднее такие светила, как голливудские актеры Адольф Менжу и Уолтер Бреннан, стали частью «витрины» Национального совета Общества Джона Бёрча, но вначале большинство основателей Общества – фактически все, кроме самого Оливера – были зрелыми, богатыми бизнесменами, в основном со Среднего Запада.

Роберт Уэлч был трусом и лжецом, что Оливер сразу заметил. Это произошло летом 1960 года. Обозреватель газеты *Chicago Daily News* по имени Джек Мейбли опубликовал выдержки из частной машинописной рукописи, которую Роберт Уэлч распространял среди своего ближайшего окружения. Известная просто как «Книга» (или позже «Черная книга», «Синяя книга» или «Политик»), это был список политических обид, которыми Уэлч хотел поделиться со своим

ближайшим окружением. Как ныне известно, в этой книге утверждалось, что Дуайт Эйзенхауэр был не только некомпетентным (хотя и в высшей степени амбициозным) офицером во время Второй мировой войны, но и осознанным орудием коммунистического заговора. «Книга» также была щедро усеяна замечаниями о коварном влиянии евреев на американскую общественную жизнь и международные отношения. [2]

Застигнутый врасплох, Уэлч ответил каскадом противоречивой лжи. Он отрицал, что цитаты были подлинными; говорил, что они были вырваны из контекста; утверждал, что «Книга» была не официальной программой, а просто частным письмом или черновиком, которым поделились некоторые друзья. Через пару лет Уэлч и Общество взялись за создание фиктивной версии тома, в которой были убраны все оскорбительные места.

Профессор Оливер столкнулся с дилеммой. Роберт Уэлч был явно недостоин своих сторонников, недостоин основанного им Общества. Но что делать? Оливер решил продержаться еще немного из-за верности заявленным целям Общества и его честных сторонников. Он был главной визитной карточкой Общества Джона Бёрча; он не мог подвести его. Так он и продержался еще несколько лет, стараясь не жаловаться слишком громко, когда его выступления проверяли или отменяли, а журнальные статьи подвергали цензуре. Конец, наконец, наступил в 1966 году, при обстоятельствах, которые он объясняет в отрывке, воспроизведенном ниже.

Профессор Оливер продолжал публиковать обзоры, рецензии и политические комментарии почти до самой своей смерти в возрасте 86 лет в своем доме в Урбане. В 1980-х он регулярно появлялся в «Колоколе свободы» Джорджа Дитца, часто публикуя длинные эссе, которые позже издавались в виде книг. (Например, «Враг наших врагов», его критическое дополнение к книге Фрэнсиса Паркера Йоки «Враг Европы», опубликованное в 1981 году.) Однако тогда ему было за 70 и за 80, он давно ушел из университета и считал, что его общественная карьера завершена.

Примерно в 1980 году его уговорили опубликовать сборник его любимых обзоров и политических комментариев 1950-х и 60-х годов, то есть периода его сотрудничества с *National Review* и *American Opinion*. Эта компиляция «Упадок Америки: образование «консерватора»» была позднее собрана и напечатана в Англии и распространялась под вымышленным издательством *Londonium Press*. [3] По прошествии полувека или более большинство этих сочинений совсем не устарели. Его подробное сравнение философов-историков Шпенглера, Тойнби, Брауна и др. «История и историки» [4] из журнала *American Opinion* в 1963–1964 годах остается очень удобочитаемым и полезным справочником. Это может открыть глаза любому, кто сомневается в том, что высокоинтеллектуальная критика в академическом стиле могла публиковаться по частям, с продолжением, в официальном журнале Общества Джона Бёрча.

Однако самые острые части книги – это не собрание эссе Оливера, а автобиографические главы, которые он представляет в качестве беглого комментария о состоянии консерватизма в Америке. Мы видим там его ранние послевоенные надежды (ехав в поезде с женой, он говорит ей, что уверен, что коммунисты и негодяи в Вашингтоне вот-вот подвергнутся тщательной чистке), его раннее разочарование в Уильяме Бакли и *National Review*, и наконец, длинная и горькая сага со специалистом по продажам Робертом Уэлчем.

Книга заканчивается длинным тревожным эпилогом о его годах в Обществе Джона Бёрча и об американском консерватизме в целом. Я здесь подробно привожу этот отрывок, потому что он одновременно резюмирует историю Уэлча и с горечью рассказывает, почему американская социальная динамика должна препятствовать тому, чтобы такие патриотические надежды, как у ранних бёрчистов, когда-либо снова взлетели:

С июльско-августовским номером 1966 года моя связь с «American Opinion» подошла к концу. ... Цикл, начатый в 1954 году, завершился в 1966 году, и у меня было свободное время, чтобы оглянуться назад на двенадцать лет напрасных усилий и напряжения, на которые у меня никогда больше не хватило бы ни выносливости, ни воли.

После разговора между Уэлчем и мной в ноябре 1965 года я решил окончательно проверить предположения, на которые так ясно наводило его поведение, и с помощью некоторых давних друзей, имеющих возможности, которых мне не хватало, я приступил к трудному, деликатному и длительному расследованию. Меня не удивило, хотя и огорчило открытие, что Уэлч был всего лишь номинальным главой предприятия «Бёрч», которым он управлял под надзором комитета евреев, в то время как евреи также контролировали поток идущих через различные банковские счета средств, необходимых для пополнения денег, выманенных у членов Общества завлекающе страстными призывами «бороться с коммунистами». Как только расследование было завершено, включая запись увиденной встречи в отеле, во время которой Уэлч отчитывался своему начальнику; я покинул фальшивку Бёрча 30 июля 1966 года, написав письмо, в котором сообщил маленькому человечку, что его тайна раскрыта. Второго числа того же месяца я сдержал мое обещание выступить на митинге Новой Англии в Бостоне, где я выступил с речью «Заговор или вырождение?» [5] ...

После этой речи меня тепло поздравил Уэлч, который был в восторге от того, что она была встречена щедрыми аплодисментами более чем двухтысячной аудитории, из каковой он мог бы набрать больше членов: его начальники еще не сообщили ему, что они таких речей не одобряют. Они действительно устроили ему что-то вроде разноса, и когда я уволился, ему пришла в голову идея сделать вид, будто бы он пришел в ужас от речи, содержащей расистский подтекст, которого хорошо выдрессированные арийцы всегда должны избегать. И у него хватило наглости – которую он позже смягчил, заявив, что не получил

моего письма, – у него хватило наглости, говорю я, вылететь в Урбану в сопровождении своего адвоката и бывшего директора Федеральной резервной системы, исходя из предположения, что бедного профессора можно было бы легко подкупить, чтобы тот подписал что-то вроде заявление об увольнении, которое он предусмотрительно написал за меня вместе со статьей в *Birch Bulletin*, в которой он собирался сообщить о своем удивлении по поводу получения письма, которое он сам написал за меня.

Это расхваливание предлагаемого товара было со стороны Уэлча, возможно, несколько стесненным, потому что он всегда должен был говорить с моим магнитофоном, работающим на столе между нами, и, поскольку я не хотел говорить ничего такого, что он мог бы впоследствии неправильно истолковать, я сопротивлялся искушению инсценировать переговоры и таким образом выяснить, какова была самая высокая цена, которую он был готов заплатить за мою честь и самоуважение.

С того тошнотворного дня я не мог думать о маленьком мошеннике без отвращения и ощущения, что я заразился после общения с ним. На предыдущих страницах я пытался быть не только скрупулёзно справедливым по отношению к нему, но и толковать все возможные сомнения в его пользу, и я думаю, что мне это удалось, но это стоило мне некоторых усилий. ...

Я почти не обращал внимания на бизнес Бёрча с тех пор, как покинул его. Меня несколько удивляет, что начальство Уэлча до сих пор считает, что расходы на его поддержку оправдывают себя, даже несмотря на то, что он представляет собой игровую площадку, на которой невинные, но встревоженные американцы могут выпустить свою энергию в безобидных патриотических играх. Друзья до сих пор присылают мне копии наиболее примечательного словоблудия, исходящего из Белмонта, и я замечаю, что Уэлч, возможно, следуя инструкциям, больше не может много говорить о «коммунистическом заговоре», и, пофлиртовав с идеей возобновления деятельности дьявольских иллюминатов Вейсгаупта, кажется, остановился на так удобно безымянных и безрасовых «инсайдерах» как на архитекторах всего зла, вдохновленных необъяснимой злобой. Основная цель, помимо удержания членов в состоянии возбуждения, приносящего доход, состоит в том, чтобы убедиться, что их целомудренные умы защищены от нечестивого искушения не любить своих врагов. Заявления из Белмонта представляют некоторый, хоть и небольшой интерес, так как можно быть уверенным, что Бней-Бёрч говорят только то, что было одобрено Бней-Брит. ...

Это правда, что сегодня, четырнадцать лет спустя, [т. е. в 1980 году] эти коммивояжеры, благодаря хорошо написанным журналам Общества, все еще могут продавать членство в нем серьезным людям, которые обеспокоены и не знают, что с этим делать, но на практике Общество Джона Бёрча имеет примерно такое же политическое значение, как меннонитские церкви, в которых

гораздо больше искренних и трудолюбивых мужчин и женщин в различных общинах, где их можно увидеть за рулем своих крытых колясок по обочинам шоссе, пока они строго придерживаются своих религиозных убеждений и отворачивают глаза свои от всех дел дьявола. ...

Общество Джона Бёрча было, по сути, детищем арийцев из среднего класса. Мои самые приятные воспоминания, связанные с ним, это воспоминания о моих любезных хозяевах, членах местных отделений в разных городах страны, которые спонсировали мои лекции от имени Общества. Мужчины и женщины, с которыми я познакомился, были наилучшими американцами, и мне нравились дни и вечера, которые я проводил в их компании, но все они (насколько я мог судить) были представителями нашей расы. Но почти все без исключения эти интеллигентные и любезные мужчины и женщины не смогли сделать из этого очевидного вывода – они не принимали во внимание расовую связь, которая была единственной их общей чертой, поскольку управляющие бизнесом Бёрча в действительности распространяли ядовитую пропаганду, учащую арийцев тому, что они единственная раса, которая не имеет права уважать себя или даже осознавать свою идентичность. ...

Однако принадлежность к среднему классу всегда предполагала определенную меру экономической независимости, и утрата этой независимости растворяла средний класс как значимый социальный слой.

Схема организации Общества Джона Бёрча предусматривала создание отделений, которые должны были собираться по неофициальной ротации в домах членов. Это предполагало довольно просторные дома, доходы, достаточные для их содержания, хозяек, у которых было достаточно свободного времени для общественной деятельности и которые могли получить, по крайней мере изредка, некоторую помощь по дому, и, как правило, мужчин, у которых были секретари, услугами которых они могли время от времени пользоваться, отвлекая их от основной работы. Пока члены должны были принадлежать к тому классу, который поставляет «лидеров общины», и должны были быть организаторами местных «фронтон», такая схема организации была безупречной и действительно необходимой, и престиж Общества всегда зависел от правила: «Общество Джона Бёрча всегда путешествует первым классом». Когда бизнес Бёрча попытался сам стать народным движением, организация отделений сделала практически невозможным получение какой-либо существенной поддержки со стороны «рабочего класса». Член, принятый с таким гостеприимством, которого он не мог оказать взамен, обязательно оказывался смущен, а разделение членов на отделения на основании доходов просто усугубляло экономические различия.

Продавцы из Общества Бёрча вскоре начали продавать свое Евангелие всем, кого можно было убедить платить сравнительно низкие взносы; в действительности они должны были это делать, чтобы выполнить свои негласные квоты

продаж. Все более пролетарская структура американского общества не облегчила этих врожденных трудностей, ибо сохраняется расхождение интересов между «управляющими» и «простыми работниками» и, как во всех обществах, зараженных евреями, существует взаимная враждебность, которая всегда скрыто присутствует и пробуждается разговорами о «свободном предпринимательстве» и других социально-экономических принципах, которые средний класс традиционно считал добродетелями. Единственной мыслимой основой для политического движения, которое могло бы преодолеть различия в доходах и нравах, является, конечно же, биологическое единство расы – и это, конечно же, именно то, для предотвращения чего фальшивка Бёрча теперь используется врагами, в равной степени изощренными и дикими, при этом усердно трудясь, чтобы субсидировать их. Многие из этих уважаемых людей были бы потрясены предположением, что они имеют право думать в первую очередь о своем благополучии и о благополучии своих детей, ибо это было бы «эгоистично», и даже скептики были проникнуты застарелой христианской чепухой, что мы должны любить тех, кто нас ненавидит. Таким образом, в 1966 году, когда я знал, что эти благонамеренные арийцы были преданы, не было никакого возможного плана действий, и я был уверен, что их дело безвозвратно проиграно, хотя и пытался надеяться, что моя оценка была в чем-то ошибочной.

Американский средний класс в настоящее время ликвидирован, за исключением нескольких остатков, которые встречаются то здесь, то там, и их терпят, потому что они не имеют следов политической власти и скоро все равно исчезнут. Средний класс может основываться только на собственности – на надежном владении недвижимой собственностью, которой человек может лишиться только по собственной глупости. Средний класс не может быть сформирован из сравнительно хорошо оплачиваемых пролетариев, которые теоретически могут иметь долю собственника в доме за сто пятьдесят тысяч долларов, который они «покупают» по тридцатипятилетней ипотеке, и в автомобиле за пятнадцать тысяч долларов, за который они не заплатят, прежде чем «обменяют» его на более дорогой и дефектный автомобиль. Не может он состоять и из пролетариев, чьи жены должны работать – будь то «топ-менеджеры» или уборщицы, – чтобы «сводить концы с концами». За исключением реликтов, живущих за счет капиталовложений, еще не полностью конфискованных налогами, экономическая революция в Соединенных Штатах завершилась в той же степени, как и в Советской России: есть только пролетарии, некоторые из которых наняты для управления остальными. Управленческие служащие получают больше жалованья и язвы, чем дворники и шахтеры, но они в равной степени зависят от своей заработной платы и еще более зависят от благосклонности вышестоящего работника. Ближайшим приближением к среднему классу, как здесь, так и в России, является бюрократия, и бёрчисты воображают, что могут уничтожить именно ее корыстные интересы.

Бедные бёрчисты продолжают играть в патриотические игры на своей хорошо огороженной игровой площадке. Они платят взносы и покупают книги и брошюры из Белмонта для распространения среди людей, которые могут прочесть печатную газету, прежде чем выбросить ее. Они продолжают время от времени уговаривать нескольких друзей послушать авторитетного оратора, который если и не сам еврей, то, по крайней мере, знает, кто у него начальники, и все с волнением слушают, как он рассказывает им, как все очень плохо, от Вашингтона до Тимбукту, ни разу не упомянув о неприятных фактах расы и генетики, о которых хорошим мальчишкам и девочкам никогда не следует задумываться. ...

Бней-Бёрч, конечно, может наслаждаться одобрением своих потешающихся и надменных еврейских надзирателей, и они могут испытывать некоторое удовлетворение от того, что сохраняют свой ум настолько чистым и нравственным, что ненавидят злых «расистов», которые считают, правильно или ошибочно, что наша раса достойна жизни и способна жить, и у кого есть единственная причина, которая предположительно могла бы создать достаточную политическую власть, чтобы уберечь нас от позорного конца трусов, годных только для рабства и жалкой смерти. Но и в этом отношении фальшивка Бёрча, теперь настолько незначительная, что проститутки из прессы забывают время от времени говорить о ней недобрые вещи, чтобы члены почувствовали себя важными, стала настолько бессильной, что не окажет заметного влияния на нашу судьбу, какой бы ей ни предстояло быть.

До тех пор, пока оно было честным (если оно вообще когда-либо было честным), Общество Джона Бёрча представляло собой последнюю надежду американского консерватизма, попытку восстановить ценности и свободу образа жизни наших арийских предков на этом континенте – вернуть то, что они проиграли, когда бездумно позволили захватить свою страну, взять в плен свое правительство, и систематически развратить и осквернить свое общество плаксивыми чужаками. Американская традиция была справедливой и действительно благородной, и она все еще способна пробудить ностальгию по миру, которого ни один из ныне живущих людей не видел своими глазами, но для практических целей она теперь имеет только литературное и историческое значение. Безусловно, за пределами не имеющих никакого значения детских манежей бёрчистов есть серьезные мужчины и женщины, которые ещё надеются на восстановление приличного общества и строго ограниченного управления, соответствующего этой традиции, и их верность тому, что неотвратимо ушло, дает им право на уважение, как и мы уважаем британских якобитов, которые оставались верными Стюартам и питали надежды в течение столетия после сражения при Каллодене, и так же, как мы уважаем серьезных мужчин и женщин во Франции, которые еще в 1940 году оставались верными Бурбонам и мечтали вернуть им их прежний трон. Но такие ностальгические устремления к прошлому – просто романтизм. Это опасные антикварные иллюзии сегодня, когда единственный по-настоящему фундаментальный вопрос состоит в том,

есть ли у нашей расы еще воля к жизни или же она настолько биологически выродилась, что выберет вымирание – быть поглощенной вязкой, зловонной и отвратительной массой безмозглых ублюдков, в то время как торжествующие евреи сохраняют свою святую расу чистой и хищной.

С американским консерватизмом покончено, и оставшиеся его приверженцы, знают они об этом или нет, это просто призраки, растерянные, блуждающие по лабиринтам при свете дня. И именно на этом нынешняя подборка того, что я написал ради безнадежного дела, естественным образом заканчивается. [6]

Примечания

[1] Те одиннадцать человек, которые присутствовали на собрании Уэлча в Индианаполисе в 1958 году, в том числе двое, которые отказались назвать свои имена в первоначальном Национальном совете (Кент, Скотт), были: Т. Коулман Эндрюс (Ричмонд, Вирджиния); Лоуренс Э. Банкер (Уэллсли-Хиллз, Массачусетс); Уильям Дж. Грид (Милуоки, Висконсин); Уильям Р. Кент (Мемфис, Теннесси); Фред К. Кох (Уичито, Канзас); В. Б. Макмиллан (Сент-Луис, Миссури); Ревило П. Оливер (Урбана, Иллинойс); Луис Рутенбург (Эвансвилл, Индиана); Фицхью Скотт-младший (Милуоки, Висконсин); Роберт У. Стоддарт (Вустер, Массачусетс); Эрнест У. Свигерт (Портленд, Орегон).

[2] Ревило Оливер, *America's Decline* («Упадок Америки»), 1981 г., перепечатано в 2006 г.

[3] Адресом *Londonium Press* в оригинальном издании был указан Кенсингтон-Парк-роуд, 21, где сейчас находится книжный магазин, но в те дни это был дом и кладовая Билла Хопкинса – торговца антиквариатом, писателя и печально известного «рассерженного молодого человека» 1950-х годов.

[4] Оливер, *America's Decline*, стр. 228 и далее.

[5] Аудио выступления на YouTube.

[6] Оливер, «Последствия», *America's Decline*, стр. 421 и далее.

Библиотека Велесова Слобода, 2024 г.